

Как видите, все очень туманно. Зацепиться не за что, никаких намеков на мотив (за исключением, возможно, весьма смутного подозрения в шантаже) столь жестокого преступления. Однако не могу не упомянуть о двух других фактах, которые выявились в ходе этого чрезвычайного расследования. Хотя поначалу они казались прямой ниточкой к раскрытию тайны, в конечном итоге с их помощью все дело погрузилось в темноту, еще более непроницаемую, чем раньше.

Во-первых, я имею в виду показания Джеймса Франклина, возчика, работавшего на одного из местных фермеров. Он заявил, что около половины седьмого вечера в ту субботу, 23 января, он шел по Найнскор-лейн, ведя лошадь с повозкой, поскольку ночь действительно была непроглядно темной. Как раз в тот момент, когда он подходил к Вязовым домам, он услышал мужской голос, говоривший хриплым шепотом:

– Открой дверь, наконец. Здесь темно, как в аду! – Затем последовала пауза, после которой тот же голос добавил: – Мэри, где тебя черти носят?

После чего женский голос ответил:

– Сейчас, уже иду.

После этого Джеймс Франклин больше ничего не слышал и никого не видел в темноте.

С невозмутимостью, свойственной кентским крестьянам, он больше не думал об этом до того дня, когда услышал, что Мэри Николлс была убита; тогда он добровольно явился и рассказал свою историю полиции. Теперь, когда его подробно допросили, он совершенно не мог сказать, доносились ли эти голоса с той стороны переулка, где стоят «Вязы», или с другой стороны, окруженной низкой кирпичной стеной.

Наконец инспектор Мейжерс, выказав страсть к театральным эффектам, предъявил документ, который приберегал напоследок. Это был листок бумаги, который он нашел в уже упомянутой красной кожаной сумочке и который поначалу не показался ему очень важным, поскольку несколько человек опознали почерк покойной и он состоял всего лишь из списка дат и времени, нацарапанных карандашом на клочке. Но внезапно эти даты приобрели странное и ужасное значение: по крайней мере, две из них – 26 декабря и 1 января, за которыми следовало «10 утра», – были днями, когда мистер Лидгейт приезжал в Найнскор и катал Мэри. Один или два свидетеля уверенно поклялись в этом. Оба свидания были встречами местных охотников, которые посещали и другие жители деревни, а Мэри впоследствии рассказывала, что они ей понравились.

Остальные даты (всего их было шесть) были менее определенными. Одна из них, по воспоминаниям миссис Хукер, совпала с днем, который Мэри Николлс провела вне дома; но последняя дата, нацарапанная тем же почерком, была 23 января, а под ней время – 6 часов вечера.

Коронер объявил перерыв в дознании. Объяснение мистера Лайонела Лидгейта стало действительно необходимо.

3

Волнение в обществе тому времени накалилось; дело вышло за рамки местного значения. Гостиницы соседних деревень были битком набиты приезжими из Лондона – актерами, журналистами, драматургами и импресарио, – а отели и владельцы самолетов в Кентербери делали неплохие деньги.

Из хаоса противоречивых и не относящихся к делу свидетельств перед пытливым умом выступали отдельные факты и одна яркая картина: две женщины, бредущие мокрой и непроглядной ночью в сторону Кентербери. Дальше все было как в тумане.

Когда Мэри Николлс вернулась в Найнскор и почему?

Об этом открыто шептались – она хотела не опоздать на встречу с Лайонелом Лидгейтом. Но эта встреча – если ее записи были правильно истолкованы – была назначена на тот самый день, когда она и ее сестра уехали из дома. Несомненно, в половине седьмого ее окликнул мужской голос и она ответила. Франклин, возчик, слышал ее; но полчаса спустя миссис Хукер слышала ее голос, когда Мэри с сестрой уходили из дома, а потом девушка навестила миссис Уильямс.

Единственная версия, согласная с этими показаниями, заключалась, конечно, в том, что Мэри лишь проводила Сьюзен часть пути до Кентербери, затем вернулась, чтобы встретиться со своим любовником, который заманил ее на безлюдье Ясеновой усадьбы и там убил.

Мотив был очевиден. Мистер Лайонел Лидгейт, собиравшийся жениться, хотел навсегда заставить замолчать ту, что назойливо требовала денег и угрожала скандалом.

Но был один весомый аргумент против этой теории – исчезновение Сьюзен Николлс. О ней везде судачили. Об убийстве ее сестры писали все газеты Соединенного Королевства – она не могла не знать о нем. И главное – она ненавидела мистера Лидгейта. Почему она не появилась и не дала показания против него, если он действительно был виновен?

И если мистер Лидгейт невиновен, то где же преступник? И почему исчезла Сьюзен Николлс?

Почему? Почему? Почему?

Что ж, следующий день покажет. Полиция вызвала мистера Лайонела Лидгейта для дачи показаний на продолжении дознания.

Красивый, спортивный и явно чрезвычайно расстроенный и нервничающий, он вошел в маленький зал суда в сопровождении своего адвоката как раз перед тем, как коронер и присяжные заняли места.

Усаживаясь, он пристально посмотрел на леди Молли, и по выражению его лица я догадалась, что он был очень озадачен, узнав, кто она такая.

Он был первым вызванным свидетелем. Решительно и четко он дал краткий отчет о своей связи с покойной.

– Она была хорошенькой и забавной, – сказал он. – Мне нравилось водить ее куда-нибудь, когда я бывал по соседству; для меня это было пустяком. В этом не было ничего дурного, что бы ни говорили деревенские сплетники. Я знаю, что у нее были неприятности, как говорится, но они не имели ко мне никакого отношения. Я неспособен жестоко поступить с девушкой, но полагаю, что какой-то негодяй очень плохо с ней обошелся.

Тут коронер начал напирать, требуя объяснить, что он имеет в виду. Но мистер Лидгейт заупрямился и на каждый наводящий вопрос отвечал спокойно и очень твердо:

– Я не знаю, кто это был. Я не имел к этому никакого отношения, но мне было жаль девушку, потому что все отвернулись от нее, включая ее сестру, и я старался доставить ей немного удовольствия, когда мог.

<http://tl.rulate.ru/book/114986/4453977>